

Shukshina, L. V. Chelovek v mire social'nyh illuzij / L. V. Shukshina // Psihologija cheloveka v sovremennom mire. — T. 5 : Lichnost' i gruppy v usloviyah social'nyh izmenenij : mater. vseros. jubil. nauch. konf., posvjashh. 120-letiju so dnja rozhdenija S. L. Rubinshtejna, 15—16 oktjabrja 2009 g. / otv. red. A. L. Zhuravlev. — M., 2009.

18. *Ernst, B.* The magic mirror of M. C. Escher / B. Ernst. — N. Y. : Random House, 1976.

19. *Hofstadter, D. R.* Goedel, Escher, Bach : An eternal golden braid / D. R. Hofstadter. — N. Y. : Basic Books, 1979.

20. *Wade, N.* Allusions to visual representation / N. Wade // Neuroaesthetics / ed. by M. Skov, O. Vartanian. — Amityville, N. Y., 2009.

21. *Whissel, C.* Phonoemotional profiling : A description of the emotional flavor of English texts on the basis of the phonemes employed in them / C. Whissel // Perceptual and Motor Skills. — 2000. — Vol. 91. — P. 617—648.

22. *Whissel, C.* Emotion conveyed by sound in the poetry of Alfred, Lord Tennyson / C. Whissel // Empirical Studies of the Arts. — 2002. — Vol. 20, № 2. — P. 137—155.

А. А. Пелипенко

Восприятие запредельного как психосферная медиация

В статье делается попытка построения модели медиации сознания с миром запредельного. Концепт последнего переносится из традиционной области условных представлений и трактуется как особый вид реальности. Природа этой реальности раскрывается на основе общетеоретической интерпретации данных квантовой механики. В самом общем виде раскрываются физические и психические механизмы медиации сознания со сферой промежуточных онтологических состояний — психосферой.

Ключевые слова: ментальность, сознание, запредельное, психосфера, медиация, интенция, когеренция, потенциальность.

Существует грандиозный пласт реальности, отношение к которому в научной литературе стыдливо-двойственное. Речь идет о связях человека с миром *запредельного*. Связи эти пронизывают собой всю историю культуры, но при этом вульгарно-рационалистический сциентизм квалифицирует их исключительно как *представления*. Само слово «запредельное» в академической среде считается профессионально неприемлемым. Употреблять его в научном обиходе допускается только религиоведам, да и то метафорически, с обязательными оговорками, что речь идет не о какой-то иной *реальности*, а о «представлениях». Однако назревшая необходимость парадигматического и эпистемологического расширения инструментария науки требует, преодолев инерцию, узаконить употребление этого слова и придать ему статус научного термина. Прежде всего, необходимо проблематизовать в научном русле *механизмы восприятия запредельного сознанием*.

О терминах. Там, где речь пойдет о квантовых процессах, буду употреблять термин Д. Бома «*имплицативный мир*» (ИМ) или «*мир свернутого порядка*». В более общем контексте — просто говорить о мире *запредельном*, т. е. пользоваться наименее специализированным словом, которое, надеюсь, станет все же термином. Между ИМ и эмпирическим миром (ЭМ) пролегает промежуточная (буферная) область, которую мне представляется уместным назвать *психосферой*, а заполняющие ее образования с «промежуточной» квантово-не-квантовой онтологией — *психосферной субреальностью*. Психосферная медиация (ПМ) в широком смысле слова продуктивное взаимодействие агентов ИМ и ЭМ через психосферу. В данном случае агентом ЭМ выступает главным образом человеческая ментальность.

Но *что и как воспринимает сознание*, когда оно имеет дело с запредельным миром? Фантомы и фикции? Плоды собственного воображения или продукты психических расстройств? В таком духе понимал запредельное самонадеянный вульгарный рационализм. Теперь же сложилась парадоксальная ситуа-

ция: повторять вульгарно-позитивистские и механистические трактовки уже неприлично, а признавать за запредельным миром статус реальности еще неприлично, то бишь пока еще ненаучно. Выход: избегая апелляций к мистическим и религиозным учениям, *дать концепту запредельного мира научное обоснование*. Не имея возможности приводить здесь подробное естественно-научное обоснование феномена запредельного с опорой главным образом на квантовую механику (КМ) и космологию и трансперсональную психологию, отсылаю читателя к моей недавно вышедшей книге «Культура и смысл» [3].

В запредельном мире нет проявленных форм, и потому о его морфологии можно говорить лишь метафорически. Нет там и проявленных структур, как нет и самих времени и пространства в привычном понимании. В ином случае запредельный мир не был бы запредельным. Но коль скоро мы находимся в поле науки, стоит все же попытаться хотя бы в самом общем виде очертить картину «устройства» запредельного мира в той мере, в какой наши языковые возможности позволяют это сделать. При этом следует помнить, что любой язык способен описать и по правилам, установленным мышлением, верифицировать лишь то, что представлено в объективированных формах. Психосферное пограничье между ИМ и ЭМ не является в полной мере объективированным, и потому верифицировать его на основе научных критериев невозможно. Остается лишь высказывать гипотезы. Языком гипотез, в разной степени подтверждаемых экспериментами и логикой математического анализа, говорят и квантовые теории, подошедшие к границам запредельного особенно близко.

О паттернах ИМ — квантовых системах — как таковых сказать можно немного; язык ищет эмпирические характеристики, которых в ИМ нет. Там есть лишь квантовые системы, которые изменяются всеми возможными путями сразу. Эмпирические характеристики начинают появляться в системе, когда она испытывает воздействие извне и квантовые суперпозиции, претерпевая декогеренцию, разрушаются. В квантовой механике такие воздействия принято связывать с актом наблюдения/измерения.

В связи с этим примечателен так называемый эффект Зенона: в случаях, когда речь идет о системах с дискретным энергетическим спектром, непрерывное отслеживание состояния системы блокирует ее разрушение. Изолированная квантовая система с нулевой энтропией находится, по фон Нейману, в чисто квантовом состоянии, которое описывается волновой функцией (вектором состояния)¹. Взаимодействие с окружением редуцирует «плюрализм» квантовой перспективы, богатство ее потенциалов до некоей «усредненной» величины. «Абстрактная» квантовая корреляция всего со всем сворачивается до гораздо более узкого, но зато «нацеленного» на актуальное проявление сектора связей. Физики называют это переходом от «истинно многочастичного» описания к приближению *среднего поля*, с которым и имеют дело исследователи. В нашем дискурсе воздействие «диссипативного окружения» в общем случае представлено интенциональным вектором, направляемым человеческой психикой. Физики в таких случаях, как правило, ограничиваются понятием *сознания*, но мы не можем забывать и о том, что подавляющая часть интенциональных импульсов направляется психикой *бессознательно*. Изменения, происходящие с имплицитивным паттерном под воздействием извне, инициируют процесс его экспликации, распаковыва-

¹ Волновая функция, или вероятностная волна, — волна в КМ, которая кодирует вероятность, что частица будет найдена в данном положении. Коллапс волновой функции — гипотетический процесс, в котором она переходит из распределенной формы к пикообразной.

ния в ряду онтологических состояний (проекций), где мера проявленности колеблется от полуэфемерных психосферных образований до полностью объективированных эмпирических феноменов. Одним из физических показателей этой меры выступает, как уже отмечалось, степень «сцепленности» квантовой системы с окружением, что вызывает эффект констелляции квантовых и эмпирических свойств.

Открытые, т. е. «сцепленные» с окружением, квантовые системы, ограниченные в некоем коридоре возможностей, описываются уже не с помощью волновой функции, где присутствуют все возможные состояния, а с помощью *матрицы плотности* [1] — *итога суммирования по степеням свободы окружения*. Измерение фиксирует систему с определенным набором вероятностей в одном из *pointer states*, и частичная потеря потенциальных состояний и инициирует нарастание энтропии и движение в сторону эмпирической экспликации.

Здесь важно выделить ряд моментов.

Нарастание эмпирических свойств усиливает *детерминизм*. Но если физики говорят, что необратимый акт измерения «закрывает» систему в определенном секторе возможных состояний, то в нашем дискурсе акт замыкания/ограничения совершается интенциональным импульсом, свойства которого и *задают параметры этого ограничения = выбора направления изменений*. Грубо говоря, здесь работает принцип «как аукнется, так и откликнется». С точки зрения проблемы детерминизма механизм распаковывания имплицативного паттерна можно представить следующим образом. Абсолютно чистых квантовых систем практически не существует; любая из них хотя бы в ничтожно малой степени сцеплена с окружением. Это значит, что спектр ее возможных эмпирических экспликаций изначально ограничен и детерминирован не чем иным, как *онтологией воздействующего на нее окружения*. Ведь интенциональный импульс не просто механический инструмент воздействия, но *онтологический слепок самого агента воздействия*, его продление в интенциональном луче. Ответ системы на каждый интенциональный импульс — своего рода акт выбора, хотя в строгом значении это слово применимо лишь к феноменам сознания. Акты эти суть шаги, последовательно сокращающие поле присущих квантовым объектам обратимых недетерминированных изменений. «Конечный пункт» — мир плотных физических тел и полностью объективированных эмпирических феноменов — точка максимальной пространственно-временной о-пределенности и причинно-следственного детерминизма. Но «по дороге», где на систему воздействуют интенциональные импульсы различных уровней и онтологий — от простых физических до биологических и культурных, возможны самые разнообразные соотношения квантовых и эмпирических свойств. Прежде всего, спектр степеней локализации во времени и пространстве. Таким образом, **любое эмпирическое образование, в широком смысле форма, посредством излучаемых ею интенционально-энергетических импульсов «расслаивает» квантовые системы и распаковывает прежде всего те их проекции, которые реализуют существование самой данной формы в следующую наносекунду.** Этот базовый для всякой эмпирической формы тип отношений с запредельным буду называть **автомедиацией**. Процесс расслоения переводит волновое состояние квантовых систем с их фазовым ритмом в дискретные, где имеет место детерминизм измеряемых величин и переходов. Такова самая общая формула медиации между эмпирическим и запредельным мирами.

Привычное к законам ЭМ мышление подталкивает нас к представлению об изменениях во времени *одной и той же квантовой системы = паттерна*. Но это не так. Темпоральная изменчивость здесь иллюзорна. То, что с пози-

ции нашего термодинамического мира представляется изменением во времени некоей объективной онтологической данности, с позиции «оттуда» предстает *расслоением* квантовой системы на совокупность ее относительно дискретных проекций-состояний. Устанавливая непрерывную медиацию с последовательным¹ рядом проекций, сознание интерпретирует полученный перцепт как *изменяемый во времени*. Если это так, то разрушение изначальной квантовой системы предстает не необратимым каузально-темпоральным процессом, а распадом на пакеты вероятностных паттернов, каждый из которых являет собой особую констелляцию квантовых и не-квантовых свойств, свою степень каузального детерминизма и вовлеченности в пространственно-временной континуум. И, что особенно важно, человеческая психика в принципе способна обращаться к *любому* из этих паттернов, в некоторой степени способствуя его экспликации или, наоборот, снижая возможность таковой. В рамках этой модели можно говорить о *сохранении квантовых интерференций*, что не только соответствует специфической логике квантового мира, но и подтверждается экспериментами трансперсональной психологии (ТП)², не говоря уже о бесчисленных фактах наблюдения феномена экстрасенсорной перцепции (ЭСП).

Обычно сохранение квантовых интерференций усматривают в акаузальных дальнедействующих корреляциях, которые КМ связывает с *эффектом нелокальности*, которые могут проявляться в интуитивных озарениях, мистических аналогиях, совпадениях, пре- и ретрокогниции, синхронизмах по Юнгу и т. п., т. е. везде, где *психика/ментальность* обращается параллельно к *разным паттернам из ряда распаковки общей для них квантовой системы (интерференции)*. Иными словами, считывает одновременно два (иногда более) варианта реализации в ЭМ какого-либо явления. Особую роль в считывании или «вытягивании», «выуживании» из психосферы параллельных/альтернативных версий тех или иных таковостей играют семантические коды — посредники в *восприятии запредельного мира сознанием*.

Положение о *сохранении квантовых интерференций* можно считать в определенном смысле *краеугольным камнем для понимания природы запредельного*. И не только потому, что оно тесно увязывается с широким рядом концепций — от различных версий Multiverse до теории торсионных полей³. Это положение — ключ к онтологии психосферы. Ведь каждое «промежуточное» состояние на пути разрушения квантовой системы не отправляется в небытие необратимой стрелой времени, а сохраняется как самостоятельный потенциал, обладающий энергией интенционального импульса, направленного к воплощению в ЭМ. Подхватывая и присоединяя энергию обращенных к ним из ЭМ интенций, такие потенциалы-паттерны обретают статус психосферного существования, онтологически располагаясь между «маленьким хаосом вероятностей» исходной квантовой интерференции и полностью объективированными феноменами ЭМ. Каждый из них «существует» в психосфере в виде потенциально неограниченного числа вариаций — констелляций с изменяемыми в определенном диапазоне параметрами. И если условную совокупность всех состояний системы можно назвать *пакетом* потенциальных воплощений,

¹ Последовательность здесь означает связь не темпоральную, каковой в квантовом мире нет, а, скорее, генетическую.

² Об опытах в области парапсихологии не упоминаю, поскольку само это слово действует на авгуров академической науки, как красная тряпка на быка, что, впрочем, не снижает валидности результатов этих опытов.

³ Эта теория, основанная на интерпретации эффекта дальнего действия, имеет в научной среде неоднозначный статус, и потому апеллировать к ней не стану. Что же до концепций Multiverse, то развитие этой интереснейшей темы увело бы нас слишком далеко от основной темы.

то названные «ответвления» — *подпакетами*. Количество квантовых версий — подпакетов неограниченно, поскольку они не задаются заранее, а возникают всякий раз как результат декогерирующего воздействия окружения. Причем воздействие это могут оказывать как интенциональные векторы, направляемые из ЭМ, так и «соседние» психосферные образования; ведь для интенциональных полей дуализма миров не существует. К тому же известно, что квантовые системы могут декогерироваться и без воздействия извне.

Здесь нас подстерегает психологическая ловушка онтологизма. Когда мы говорим о том, что сознание вызывает из ИМ/психосферы те или иные акты существования, в представлении тотчас возникает двойкий образ этого вызывания: интенциональный импульс мысли либо «вытягивает» из потенциального мира то, что там *уже есть*, либо сам каким-то образом *создает, формирует* этот потенциал. Здесь присущий сознанию *эмпирический реализм*, распинаящий любое представление в координатах времени и пространства, подталкивает мысль к тому, чтобы поддаться иллюзии и представить квантовые конstellации как некую *предустановленную в прошлом заготовку*. Действительность же состоит в том, что конфигурирование паттернов ИМ в психосфере оказывается трудно представимым соединением первого и второго. Поскольку квантовые системы — «субстраты» паттернов ИМ — существуют вне эмпирического пространственно-временного континуума, то говорить о том, что они там присутствуют *заранее*, невозможно. Единственная их количественная характеристика — *степень вероятности* воплощения. Чем уже коридор «запираания» квантовой системы, чем сильнее каузальный детерминизм и определеннее пространственно-временные координаты, тем выше, соответственно, степень вероятности воплощения данного паттерна в ЭМ.

О психосферных образованиях как о таковых нельзя говорить в категориях бытия. Их бытийственность обнаруживает себя лишь тогда, когда тот или иной потенциал «конденсируется» из «распыленного» нелокального состояния и опредмечивается в восприятии культурного субъекта, пославшего в психосферу соответствующий интенциональный импульс — «запрос». До этого момента вопрос о том, существуют ли те или иные психосферные потенциалы или нет, неправилен. Можно спрашивать лишь о том, в какой мере и в каком онтологическом модусе возможно их воплощение, тогда как его *имплицитное существование создается уже самой мыслью о нем*. Впрочем, вопросов здесь может быть немало: от каких уже воплотившихся паттернов (и их ответвлений) можно получить нужную версию? Какие семантические ключи использовать для аккумуляции интенциональной энергии психики? И только ли психика участвует в формировании и направлении импульса? Эти вопросы пока придется оставить без ответа, ведь мы лишь немного приблизились к дверям запредельного. Попробуем пока что представить хотя бы некоторые обстоятельства, от которых зависит вероятность воплощения.

Поскольку по пути из имплицитного состояния в эксплицитное интерференция подавляет движение почти по всем направлениям (траекториям), кроме тех, что соответствуют принципу *наименьшего действия*, то именно этот принцип в значительной мере и определяют степень вероятности экспликации (воплощения) того или иного паттерна. Однако в ряде случаев обладающая определенными настройками человеческая ментальность способна вопреки действию этого принципа реализовывать иную перевальную траекторию, волевым путем выбирая и продвигая ее к воплощению в ЭМ. На этом и основан феномен магии в широком его понимании.

Участие *ментальности* (для физиков, напомним, сознания) определяется, прежде всего, ее эволюционной филогенией. *Только у человека нейродинамическая система достигла эволюционного уровня, позволяющего посылать в ИМ направленные интенциональные импульсы.*

Для человека архаических и древних культур целенаправленность, в отличие от человека последующих эпох, определялась не концентрацией эгоцентрической воли, направленной в сторону семантически определенного и рационально осмысленного адресата, а, скорее, полубессознательным порывом, интенционально устремленным к неопределенному «оно само», минимально опосредованному культурными кодами. Однако и в этом случае можно говорить о *пробуждении воли и целеполагания — свойств, отличающих ментальность человека от всех эволюционно предшествующих форм ПМ.* Сейчас лишь вкратце отмечу факторы взаимодействия ментальности с психосферной субреальностью. Таковых по меньшей мере три:

- *сила, энергетическая наполненность импульса;*
- *его сфокусированность, т. е. интенсивность;*
- *онтология посылающего импульс — его бытийственная квинтэссенция, транслируемая в интенциональном векторе.*

Другая сторона процесса ПМ представлена объективной, в смысле не зависящей от человеческой ментальности группой факторов. Объективность эта задается двойным разрывом: между не знающей, казалось бы, границ человеческой фантазией и психоэнергетической онтологией самой ментальной сферы. Ведь направляемый в психосферу импульс — это «эманация» второго, а не первого. Иными словами, направляемый человеком (группой) в психосферу интенциональный импульс отражает не то, что желается или о чем думается, а то, что направляющий (направляющие) *собой представляют онтологически.* Решающие различия здесь, разумеется, связаны не с физической онтологией, а с *содержательным «наполнением» культурно-смысловых полей*, которое, как правило, самими направляющими не осознается.

Второй план разрыва — дистанция между образом желаемого «вызываемого» акта существования и степенью вероятности его воплощения с позиции «оттуда». Степень эта определяется уже *онтологией самого вызываемого* — шириной и характером репертуара возможных изменений, предопределенных его «квантовой историей» — генетической цепочкой «предшествующих» расслоений исходной квантовой системы. Иными словами, *человек может вообразить все, что входит в пределы его культурного опыта.* И даже самые фантастические образы имеют некоторый, отличный от нуля потенциал эмпирического воплощения. Но вероятность в этих случаях исчезающе мала. Это обусловливается, в частности, двумя обстоятельствами.

Во-первых, для воплощения такому потенциалу необходимо «пробиться» сквозь плотные энергетические поля и «обойти» потенциалы, вероятность воплощения которых значительно выше¹. Это, прежде всего, пакеты, паттерны из которых уже однажды распаковывались — воплощались в ЭМ. Эти «квантовые двойники-субстраты» эмпирических феноменов обладают достаточной энергией, чтобы создавать устойчивые образования — *квантово-психосферные энграммы.* Возникают они оттого, что однажды воплотившийся акт существования в следующую наносекунду претерпевает рекогеренцию *своих квантовых полей*, или в терминах Д. Бома *сворачивание.* При этом «образ» развернутого состояния **сохраняется в психосфере как энграмма.** Это значит, что элементы

¹ Борьба квантовых потенциалов за возможность воплощения в ЭМ нашла отражение в концепции *квантового дарвинизма* В. Зурека, хотя описана она у него в иных, чисто физических терминах.

квантовой системы, «вновь» приобретая нелокальные свойства и возможности участия в иных конфигурациях запутанности, «помнят» о своей ситуационной вовлеченности в однажды проявленную форму¹. Поэтому вновь актуализовать ее измененную эмпирическую версию легче, нежели сконфигурировать новый имплицативный пакет, т. е. создать квантовый субстрат того, чего никогда раньше не существовало².

Такие пакеты, однако, возникают, но не произвольно. Если характер и направление расслоения квантовых систем зависят от воздействия окружения, стало быть, онтология того, что проявляется «на выходе», определяется соответственно онтологией этого окружения, т. е. «содержанием» направляемых им интенциональных импульсов. И здесь, помимо изменений внутripакетных, флуктуационных, происходят, хотя и гораздо реже, изменения межпакетные, условно говоря, *мутационные*. Они-то и приводят к образованию новых имплицативных пакетов. Те из них, что имеют по сумме факторов наибольшую степень вероятности воплощения, стоят условно вторыми в очереди у границы миров.

Все названные потенциалы создают в психосфере «плотные слои», через которые потенциалам слабым, созданным одной лишь произвольной человеческой мыслью, пробиться невозможно. В ряде случаев такие потенциалы усиливаются, когерируясь с уже имеющимися в психосфере устойчивыми образованиями — **психическими матрицами**. Последние обладают не только определенной структурной конфигурацией возможного набора эмпирических форм, но и достаточной энергией для их воплощения. Отсюда универсально распространенные в культуре магико-мистические (позднее религиозные) поиски в запредельном мире помощников для осуществления своих замыслов. При этом надеясь использовать запредельные силы в своих интересах, человек нередко сам, оказываясь индуцирован интенциональными энергиями психосферных образований, попадает в зависимость от них. Типология этой зависимости, как и магические и психотехнические приемы ее преодоления, — универсальная тема, вариации которой присутствуют во всех культурах вплоть до современности.

На бытовом уровне каждый знает, что есть мысли, идеи и намерения, которые идут будто бы «в струе», подхватываясь незримыми векторами высоких вероятностей, а иные, направляемые произвольной человеческой субъективностью (индивидуальным *Эго*), идут против течения высоковероятных событий со всеми вытекающими из этого последствиями. *Возврат экзистенции в русло «естественного хода вещей» с минимальным разрушением достигнутого уровня Эго — одна из главных тем общения человека с запредельным посредством культуры*. При этом каждая культурная система и вписанный в нее человек преследуют свои особенные цели, делая ставки в игре с запредельным.

Совпадение/несовпадение своих мыслей и устремлений, т. е. направляемых в запредельный мир интенциональных импульсов, с действующими там силами и вероятностными конфигурациями рефлексировалось сознанием со времен его возникновения. Ранние формы этой рефлексии этнографы наблюдают у представителей современных архаических культур, где «правильные», «истинные» слова, намерения и действия, равно как и вещи, события, места, т. е.

¹ Доказать это положение с помощью математического и экспериментального аппарата КМ пока невозможно, но это не значит, что оно чисто спекулятивно: история общения человека с психосферными образованиями дает ему огромное количество подтверждений, к которым обратимся позже.

² Именно такие чисто флуктуационные изменения и составляют подавляющее в количественном отношении число изменений во Вселенной.

любые таковости, связываются с наполненностью маной¹ — безличной психоэнергетической субстанцией. Позднее речь уже шла о покровительстве и благорасположении богов (Бога), благодати, благословении, святости и т. п. Противоположные смыслы изначально кодировались идеями осквернения, порчи, лжи, инверсивного переворачивания и т. п., позднее — несправедности, заблуждения, своеволия и в его широком понимании — греха. Идея греха, универсально представленная в религиях спасения, отражает не столько реалии социальной жизни, сколько рефлексию определенного уровня и характера взаимоотношений с запредельным. Отсюда невротично-экзальтированное стремление к очищению и жажда восстановления сакральной санкции на свое социальное бытие. В средневековом авраамизме эти устремления приобрели характер навязчивой идеи, доходящей в некоторых субкультурных традициях до массового психоза.

Во всех мировоззрениях, кроме материалистического, которое объявляет запредельный мир несуществующим, последний априорно полагается высшей и первичной реальностью, тогда как мир эмпирический — его инобытием.

Примерам такой убежденности, приводимым в трудах историков культуры и этнологов, несть числа. Так, Л. Леви-Брюль приводит выдержку из книги «West-Indische Gids»: «Индейцы знают, что другой мир, о котором говорят мифы и куда имеют доступ посвященные, является источником или ближайшей причиной мира видимых вещей». И наконец, «часто получается впечатление, что иной мир является для индейцев истинной реальностью, тогда как материальный мир, который нам представляется реальностью *par excellence*, является для них тем, что выражено в формуле Гете: “Все преходящее есть лишь метафора”» [2. С. 500, 503].

Примечательно, что сходной точки зрения нередко придерживаются и физики. Они часто говорят о том, что квантовый мир не просто богаче, «объемнее», разнообразнее термодинамического макромира, но что все подлинные события и связи содержатся в микромире, а макромир — область их плоских, вторичных проекций, запертых в детерминизме пространственно-временного континуума, а то и вовсе иллюзия. Не знаю, как насчет физиков, но у человека мифоритуального сознания (МРС) такие воззрения не могли возникнуть ни из освоения эмпирической реальности как таковой, ни из диалога с пустотой. Есть все основания заключить, что психика человека постоянно находится под индуцирующим воздействием психосферных образований и лишь некоторый сектор этих воздействий рефлексивируется сознанием. Но и того, что рефлексивируется, оказалось довольно, чтобы создать колоссальный культурный пласт, вбирающий в себя многообразный опыт ПМ. Один из аспектов этого опыта, к которому неоднократно возникнет необходимость обращаться, — *психофизический дуализм*. Идея о том, что все существующее имеет свое повторение на небесах, причем первичны (субстанциональны) сущности именно небесные, для МРС фундаментальна и представлена в бесчисленных вариациях. Идея о «духовных двойниках» не только «сыграла важную роль в общей истории дуализма» (Элиаде), т. е. имеет отношение не только к генезису «представлений», но и приоткрывает путь постижения самого опыта, лежащего в их основе.

В медиации с запредельным миром участвуют все уровни существования, объединенные в целостном феномене человека: и неорганический (физические и химические соединения), и органический (клетки, ткани и т. д.). Но медиация этих уровней в целом рутинна и проходит мимо сознания.

¹ Это меланезийское слово, имеющее множество аналогов в языках других архаических народов, приобрело значение общепринятого термина.

Исключение составляют особые психотехники, направленные на рефлексию этих уровней медиации. Однако в общем случае экзистенциально содержательным уровнем ПМ осознается тот, что осуществляется посредством семантических кодов в культурно-смысловом пространстве. Его «наполнение» образует особый «сектор» (слой) психосферы. Но представление этого сектора как отдельной эволюционной надстройки над уровнями субреальности, «ответственными» за существование неживого и живого миров, неточно. В психосфере все переплетено: квантовые энграммы¹ и психические матрицы, обладая неколокальными свойствами, могут параллельно участвовать в разноуровневых структурах, создавая между ними когерентные связи и в обширном классе случаев — фрактальные отношения.

Итак, «субстанцию» запредельного мира составляют трансцендентные ЭМ имплицитные квантовые паттерны. Будучи связаны с ЭМ всепроникающими интенциональными потоками, они эксплицируются в ряду субреальных состояний от минимальной до максимальной степени проявленности. Каждое из этих состояний фиксирует особую конфигурацию квантовых и не-квантовых свойств; нарастание последних сопровождается усилением каузального детерминизма и локализации в пространственно-временном континууме. Область названных «промежуточных» состояний — психосфера; именно в нее попадает психика, устремленная к медиации с запредельным.

Каждой вещи (феномену, явлению) в ЭМ соответствует потенциально неограниченное количество психосферных «версий» — продуктов «расслоения» исходной квантовой констелляции. Каждый посланный в ИМ интенциональный «запрос»-импульс создает новую психосферную версию. Вероятность актуализации этих версий зависит, прежде всего, от их собственного энергетического потенциала и от силы и качества посылаемого из ЭМ интенционального импульса. При этом наибольшей вероятностью воплощения обладают версии, минимально измененные по отношению к уже воплощенным. Поэтому подавляющее большинство изменений во Вселенной — это флуктуационные колебания измененных под действием окружения форм вокруг общего для них всех психосферного паттерна. Его конфигуративно-энергетический модус называется психической матрицей.

Корреляция между психосферным и наличным существованием описывается категориальной оппозицией «*паттерн — форма*».

Во-вторых, психосферные образования не могут описываться в категориях единичности и локальности; проекции общего паттерна могут параллельно вовлекаться во множество процессов и участвовать в формировании множества структур разной степени проявленности. Под действием психосферного окружения, т. е. испытывая воздействия разнообразных потенциалов интенционального поля, эти образования могут, сохраняя свою психическую матрицу, «на выходе» приобретать всевозможные модифицированные, гибридные и эфемерные формы.

Не случайно в фольклоре многих народов существует устойчивое убеждение, что силы потустороннего мира не имеют «настоящего» лица, прячась за множеством личин. Столь же примечательно и другое убеждение: образы запредельного мира могут «материализовываться», т. е. обретать физическую форму, в эмпирическом хронотопе лишь на недолгое время, мобилизуя для

¹ Здесь следует пояснить довольно сложное для наглядного представления обстоятельство — *двунаходимость квантовой энграммы*: она пребывает одновременно и в психосфере, и в самой ментальной сфере человека, что и делает возможным актуализацию — «протягивание» между ними интенциональной связи.

этого значительную часть своего энергетического потенциала. Ведь по своей онтологии они «не дотягивают» до полной объективации в ЭМ. Впрочем, о полной объективации в строгом смысле говорить не приходится. Культурная, т. е. смысловая, реальность объективна лишь постольку, поскольку она есть результат консенсуса. Поэтому «количественный» план объективации всегда зависит от *психоментальных настроек* (ПМН). Психосферные образы вполне «объективно» воспринимают дети примерно до 4 лет, пока инкультурация не перекрывает естественные правополушарные каналы ПМ, оставляя лишь узкие и подконтрольные щелки. Воспринимают эти образы и взрослые в измененных состояниях сознания или в приближенных к ним состояниях. Сильные индуктивные импульсы из психосферы способны «пробить» и защитные кордоны сознания, при условии, что импульсы эти оформляются в релевантных ему смысловых кодах. ПМН не просто фильтр, «просеивающий» интенциональные импульсы психосферы, но их *преобразователь в культурно-смысловой модус*. А энергия психосферных интенций, преломляясь сквозь призму ПМН, претерпевает нечто вроде кеносиса — умаления, т. е., сохраняя свое структурное качество, убывает количественно. Одним словом, ответ на вопрос: для кого существует психосферная субреальность, содержится в ПМН. В зависимости от них и общекультурного контекста она может в той или иной мере объективироваться как для визионеров-одиночек, так и для больших социальных групп.

Таким образом, образования запредельного мира обнаруживают себя в ЭМ не в виде «объективной реальности», а в виде реальности-для-отправителя соответствующего далеко не всегда осознанного интенционального запроса. К примеру, экзальтированное религиозное сознание настроено на получение определенного рода перцептов постоянно, и потому они могут появляться совершенно неожиданно для отправителя запроса. Такова природа массовых видений, индивидуального и коллективного визионерского опыта и т. п.

Взаимодействие с запредельным миром интерактивно. Интенциональные воздействия — индукции — из психосферы, вероятно, даже в большей степени изменяют ЭМ, чем импульсы из последнего — мир запредельный. Наиболее сильные воздействия на человеческую ментальность оказывают *эгрегоры* — «энергетически разросшиеся» психические матрицы, объединяющие в своей конфигурации несколько фрактальных уровней психосферы.

Исходя из медиационной парадигмы, можно сказать, что культура — наиболее сложный и тонкий по своей интенционально-энергетической структуре уровень сущего — это своего рода «проект» изменения соотношений вероятностных потенциалов ИМ. Полуосознанная цель этого изменения — самопеределывание человеком самого себя в контексте сложных отношений с культурой. Поэтому любые культурно-исторические практики подспудно направляются общей глубинной целью — расширить и скорректировать режимы ПМ и тем самым *изменить собственную онтологию*. Лишь на этом пути человеческая экзистенция приближается к обретению наиболее полной, в идеале абсолютной (что невозможно) сопричастности миру и совпадению с самим собой (что тоже невозможно). При этом, устремляясь к совпадению/партиципации со своими «духовными двойниками» — субстратными психосферными матрицами, сознание, особенно раннее, редко ловит себя на том, что само участвует в их конструировании. Для сознания современная картина, скорее, обратная: «раскормленной» самости мнится, что мир творит не кто иной, как она, в то время как всеохватная культурная заданность смысловых пространств от рефлексии ускользает. Однако *именно культура формирует консенсусную реальность, в смысловом пространстве которой сознание только и может осуществлять ПМ*. Остаются еще, впрочем,

каналы бессознательного, по которым проходит большая часть психосферных контактов. Не будет преувеличением сказать, что в сферу сознания попадает лишь их ничтожно малая часть. В целом же необходимо сделать важную оговорку. Принцип ПМ, как было показано выше, имеет прямое отношение ко всякому эмпирическому бытию вообще. Но его проявления на докультурных уровнях реальности здесь специально не рассматриваются. А на уровне культуры выделяется сектор, в котором продукты ПМ попадают в сферу осмысления и семантизации. Можно сказать, что ПМ в секторе культуры имеет три уровня. Первый — сфера осмысленного и семантизованного. Второй — сфера бессознательного, но косвенным и замещенным образом проявленного в культурно-смысловых контекстах. И третий — сфера полностью скрытых от всякой рефлексии продуктов участия человеческой психики/ментальности в психосферных процессах. О последней сфере ничего нельзя сказать, кроме того, что она, по-видимому, является самой обширной.

Везде, где исследователи культур обнаруживают присутствие «божественной воли», являющей себя человеку в акте *participation mystique*, можно говорить об *индуктивном воздействии психосферных образований*: психических матриц и эгрегоров, обладающих *principium volens*. Поэтому необходимость мистической санкции на любого рода действие или даже осознанное побуждение для человека МРС — это не наивный самообман неразвитого сознания, а *показатель глубокой вовлеченности в ПМ, идея которой буквально пропитывает все древнее сознание*. Угасание шлейфа этой вовлеченности в современном массовом сознании вызывает в нем ощущение неподлинности, несанкционированности своего существования. Отсюда острейшее переживание космического сиротства, отпадения от первоисточников бытия и болезненная ностальгия по, как правило, наивно и модернизаторски понимаемому спиритуализму прошлых эпох.

Можно ли описать механизмы ПМ, осуществляемые культурой посредством человеческой ментальности, точнее, конкретнее? Задача эта невероятно сложна, и тема совершенно не разработана. Рассуждать о ней возможно пока лишь гипотетически. Но начать подготовку проблемно-дискурсивного поля для будущих исследований необходимо. В данном случае предлагается лишь возможная направленность поиска подхода к познанию реально фиксируемого феномена *восприятия* запредельного, рассматриваемого как психосферная медиация.

The article attempts to construct a model of the mediation of consciousness and transcendental world. Concept of world beyond moved from traditional notions of conditional and is interpreted as a kind of reality. The nature of this reality is revealed on the basis of the general theoretical interpretation of quantum mechanics. Most generally reveal the physical and mental mechanisms of mediation with the sphere of consciousness intermediate ontological states — psychosphere.

Keywords: mentality, consciousness, beyond, psychosphere, mediation, intention, coherence, potentiality.

Литература

1. Блум, К. Теория матрицы плотности и ее приложения / К. Блум. — М. : Мир, 1983.
Blum, K. Teorija matricy plotnosti i ee prilozhenija / K. Blum. — M. : Mir, 1983.
2. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. — М. : Педагогика, 1994. — 608 с.
Levi-Brjul', L. Sverh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii / L. Levi-Brjul'. — M. : Pedagogika, 1994. — 608 s.
3. Пелипенко, А. А. Постигание культуры / А. А. Пелипенко. — М. : РОССПЭН, 2012. — Ч. 1 : Культура и смысл.
Pelipenko, A. A. Postizhenie kul'tury / A. A. Pelipenko. — M. : ROSSPJeN, 2012. — Ch. 1 : Kul'tura i smysl.
4. Oudheden uit Suriname : op zoek naar den Amazonen / ed. by C. H. Goeje // West-Indische Gids. — 1932. — Vol. 13, № 1. — P. 497—530.